

Фольклорный мотив: семантика и систематизация

УДК 82-34

DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-2-12-48

Золотое блюдо и рыбий смех: опыт семантического анализа мотивов

Сергей Ю. Неклюдов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия; sergey.nekludov@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена описанию семантики мотива, его внутренней структуры, текстовой манифестации и дистрибуции, а также «сетевых» межмотивных связей. Материал – несколько сюжетных групп, различным образом соотносимых между собой: *Вещий/Нерасказанный сон / Язык животных* (АаTh 671 E*; 725; 517, 670, 672, 672D*, 673, 781; Mot. M312.2 sq.; D217; M312.0.2), *Укрощение невесты* (АаTh 519, ср. 516), *Победа слабого* (АаTh 480C*, 565, 613, 735A, 930, 1535; СУС –813А**; Березк., К27nn, К88) и еще некоторые ассоциированные с ними сюжеты. Мотивы этой группы обычно имеют бинарную или тернарную структуру, элементы которой дисперсно распределены в сказочном тексте, будучи разделены повествовательными фрагментами, которые наполнены другими событиями и приключениями.

Проделанный анализ позволяет систематизировать мотивы и их структурные элементы следующим образом: 1) минимальные смысло-различительные (но не смыслообразующие) дифференциальные признаки сюжетных композитов (*семь* «повествовательной грамматики»), на фабульном уровне далее не членимые; 2) «простые» мотивы; их можно рассматривать как совокупность *сем*, которые благодаря устанавливаемым между ними связям обретают смыслообразующие функции и структурируют мотив в качестве своего рода *нарративной семантемы*; 3) «сложные» мотивы, имеющие бинарную или тернарную структуру, элементы которой дисперсно распределены в сказочном тексте (впрочем, граница между «простыми» и «сложными» мотивами достаточно условна).

© Неклюдов С.Ю., 2023

Структура мотива адекватно описывается как фрейм, слоты которого, определяемые своими фасетными значениями, могут заполняться и *семами* (в «простых» мотивах, но не только в них), и *семантемами* (в мотивах сложных). Тем самым межмотивные связи оказываются либо иерархическими (мотив, вложенный в мотив, «матрешка»), либо сетевыми (одни и те же *семы* заполняют слоты разных мотивов, связывая эти мотивы «семантическими каналами», что имеет далеко идущие последствия для работы генеративных механизмов традиции). Наконец, как слоты для особого, «процедурного» (а не «материального») заполнения, целесообразно рассматривать слоты, содержащие сами «программы», по которым устанавливаются логические отношения между компонентами мотива.

Ключевые слова: сюжетная структура, семантический анализ, мотив, фрейм, слот, золотое блюдо, рыбий смех, вещий сон, мудрый мальчик, опасная невеста, любовник в женской одежде

Для цитирования: Неклюдов С.Ю. Золотое блюдо и рыбий смех: опыт семантического анализа мотивов // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2023. Т. 6. № 2. С. 12–48. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-2-12-48

The golden dish and fish laugh. An essay in semantic analysis of motifs

Sergei Yu. Neklyudov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sergey.nekludov@gmail.com*

Abstract. The article describes the semantics of the motif, its internal structure, textual manifestations and distribution, as well as the ‘network’ of inter-motif connections. The analysis focuses on several plot types, variously correlated: Prophetic / Untold dream / Animal language (AaTh 671 E*; 725; 517, 670, 672, 672D*, 673, 781; Mot. M312.2 sq.; D217; M312.0.2), The Taming of the Bride (AaTh 519, cf. 516), Victory of the Weak (AaTh 480C*, 565, 613, 735A, 930, 1535; SUS -813A**; Berez., K27nn, K88) and on some other stories associated with these ones. The motifs that are included in this group usually have a binary or ternary structure. The elements of such structure are dispersed through the tale; they are separated by narrative fragments that are filled with other events and adventures.

The performed analysis makes it possible to systematize motifs and their structural elements as follows: 1) minimal meaningful (but not meaning-forming) differential features of plot composites (semes

of ‘narrative grammar’), which are not further divided at the plot level; 2) ‘simple’ motifs; they can be considered as a set of semes, which, thanks to the connections established between them, acquire meaning-forming functions and structure the motif as a kind of narrative semanteme; 3) ‘complex’ motifs that have a binary or ternary structure, the elements of which are dispersed throughout the tale text (however, the boundary between ‘simple’ and ‘complex’ motifs is rather arbitrary).

The structure of a motif is adequately characterized as a frame, the slots of which, determined by their facet values, can be filled with both semes (in ‘simple’ motifs, but not only in them) and semanthemes (in complex motifs). Thus, inter-motif connections turn out to be either hierarchical (a motif embedded in a motif, a ‘nested doll’ principle), or networked (the same semes fill the slots of different motifs, linking these motifs through ‘semantic channels’; the latter has far-reaching consequences for the generative mechanisms of the tradition). Finally, it is expedient to consider slots that contain the ‘programs’ themselves, according to which logical relationships are established between the components of the motif, as slots designed for special ‘procedural’ (rather than ‘substantial’) filling.

Keywords: plot structure, semantic analysis, motif, frame, slot, golden dish, fish laugh, prophetic dream, wise boy, dangerous bride, lover in women’s clothes

For citation: Neklyudov, S.Yu. (2023), “The golden dish and fish laugh. An essay in semantic analysis of motifs”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 2, pp. 12–48, DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-2-12-48

1

Сказка «Вещий сон» относится к сюжетному типу AaTh 671 E*, «ядерный» мотив которого (мудрый мальчик истолковывает значение царского сна) входит в более широкий тематический комплекс: некто обладает (~ овладевает) профетическим даром; полученное знание (или отказ сообщить о нем; Mot. M306) вызывает недовольство окружающих, что приводит провидца к разным невзгодам; в последствии предсказания сбываются. Подобная ситуация лежит в основе таких сюжетных типов, как AaTh 725 («Нерассказанный сон»; M312.2 sq.) и AaTh 671 («Птичий язык»; Mot. B215.1; M302.1) [Schmitt 2002, S. 1413–1419], в последнем случае – реализация более общей темы овладение языком животных и/или растений (AaTh 517, 670, 672, 672D*, 673, 781; Mot. D217; M312.0.2; cp. B211.3, B143, N451).

Мотивы этой группы обычно имеют бинарную или тернарную структуру, элементы которой дисперсно распределены в сказочном тексте. Так, зачином «нерассказанного сна» является сон о будущем величии (Mot. M312.0.1), кульминацией – сон о будущем величии влечет наказание (Mot. L425), развязкой – исполнение пророчества (Mot. M391); в тексте эти части могут находиться на значительном расстоянии друг от друга, будучи разделены повествовательными фрагментами, которые наполнены другими событиями и приключениями.

Так обстоит дело и в рассматриваемой сказке, с кульминационного события которой мы начнем свой анализ.

Месяца через два, через три приснился тамошнему королю такой сон: будто есть у него во дворце три золотые блюда, прибежали псы и зачали из тех блюд лакать. Задумался король, что бы такое тот сон значил? Кого ни спрашивал, никто ему не мог рассудить. <...> Тогда выступил мальчик и сказал королю: «Государь! Сон твой правдивый: есть у тебя три дочери – три королевны прекрасные; согрешили они перед богом и перед тобою и на днях родят тебе по внуку». Как сказал пятилеток, так и случилось... (Аф. № 241)

Репрезентация «ядерного» для данной сказки мотива имеет трехчастную структуру: мантические способности «мальчишки лет пяти» заявлены в экспозиции, вещей сон короля о трех золотых блюдах и трех псах открывает «второй ход» повествования, истолкование сна завершает сказку. Это отнюдь не единственный для русской традиции вариант повествования подобного типа, хотя само содержание вещего сна является довольно подвижным элементом, «золото» там может присутствовать, но в других контекстах¹.

Сквозная фабульная линия, однако, следует логике развития конфликта провидца-малолетки с лжегадателем – купцом (~ колдуном) Асоном, совмещающим признаки сказочных *антагониста*

¹ См., например: «Приходит домой и говорит матери: “Вот, мама, я видел, – говорит: – во сне такие-то сны. Первой, – говорит: – сон: верблюд, – говорит: – весь медный, – говорит: – Второй, – говорит: – сон: *сохатый* весь серебряный. А третий сон видел: медведь, весь, – говорит: – золотой”. – Вот мать ему и говорит: “ну, верно, – говорит: – ваш сон обещает ваше богатство”» (Великорусские сказки Пермской губернии: Сб. Д.К. Зеленина. Пг.: Тип. А.В. Орлова, 1914. № 48 [Зап. Имп. РГО по отд. этнографии; т. 41]).

и *ложного героя* (в его новеллизированной версии)². Это – реализация другой нарративной модели: персонаж «слабый» (по физическим данным, имущественному и социальному положению и т. д.) оказывается в конкурентных отношениях с гораздо более «сильным» персонажем; тем не менее в конечном счете выигрывает именно он³, причем речь обычно идет не о «силовом» конфликте (Давид – Голиаф и т. п.), а о противостоянии ума и глупости (вроде неудачного подражания; Mot. J2415 sq.), либо просто об успешном повороте жизненной ситуации. Связь между этими моделями («исполнившееся предсказание» и «успех слабого») – не жесткая, каждая из них может получать самостоятельное сюжетное воплощение или комбинироваться с некоторыми другими сюжетами.

2

Обратимся к семантическому анализу данного мотива, точнее – его центрального образа. Прежде всего отметим, что символика, содержащаяся в королевском сне, как и ее расшифровка ребенком-мудрецом, для русской сказки совершенно не специфична. Обычно *блюдо* (в том числе золотое) здесь используется в двух функциях. Чаще всего это – поднос, плоская и широкая посуда, служащая для вручения ценного дара:

«А вот лучше возьми два золотых яблочка на серебряном блюдечке, разбуди ягу-бабу потихонечку, поднеси ей яблочки...» (Аф., № 141). Старуха обрадовалась, снесла перстень; невесте понравился: «Такой, – говорит, – и надо!» Вынесла ей полно блюдо золота... (Аф., № 156). Иван купеческий сын подал на золотом блюде два кирпичика. <...> Царь разломил кирпичи; оттуда так и посыпались дорогие самоцветные камни... (Аф., № 230). Как скоро приехал, сейчас набрал блюдечко драгоценных камней <...> и понес к тамошнему царю на поклон (Аф., № 336). Иван-королевич приехал домой, вынул склянки с живой и мертвой водою, положил на блюдо молодые яблоки и все это поднес своему отцу (Аф., № 564). Вот он и пришел к царю, принес блюдо киселю; царь его пожаловал золотой тегеркой (Аф., № 407). Приказчик насыпал блюдо серебра и золота и пошел к генералу в дом (Аф., № 720).

² Об этих сюжетных ролях см.: [Пропп 1969, с. 76; Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 2001, с. 58–64].

³ АaTh 480С*, 565, 613, 735А, 930, 1535; СУС –813А**; Березк., К27nn, К88.

В других случаях это – волшебный экран, позволяющий увидеть нечто, недоступное прямому наблюдению из данной точки пространства, причем его механизм приводится в действие посредством перекатывания по блюду чудесного яблока или драгоценного камня.

[Баба Яга] дает золотое блюдечко с бриллиантовым шариком и крепко-накрепко наказывает: «Как придешь на берег синя моря да станешь катать бриллиантовый шарик по золотому блюдечку...» (Аф., № 235). «Купи мне, свет-батьюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко». – «Да на что тебе?» – сестры спросили. «Стану я катать яблочком по блюдечку да слова приговаривать...» (Аф., № 569).

Как можно убедиться, эротическая символика, на которой построен наш исходный пример, здесь не присутствует, вообще ассоциация «блюда», в том числе «золотого», с «женщиной» за пределами рассматриваемой сказки в русской традиции, видимо, не встречается, что скорее свидетельствует о чужеродности для нее данного мотива. В то же время чрезвычайно близкая параллель обнаруживается в монгольской легенде, согласно которой Джэлмэ, сподвижник Чингис-хана, спасает из плена похищенную врагами государыню Бортэ-джушин.

Как только она вышла за цепь воинов, мудрый Дзэлмэ подхватил Бортэ-джушин и помчался прочь. Видя пыль от погони, <Дзэлмэ> мчался быстро. Но ханша Бортэ-джушин не могла скакать так быстро. «Брось меня! Ты – мужчина, Дзэлмэ, ты спасай свою жизнь!» – сказала она. Мудрый Дзэлмэ понял, что силы покинули Бортэ-джушин, потому что она не принимала мужчину. Он поклонился священному стягу Чингиса и в силу необходимости прямо в степи одарил Бортэ-джушин блаженством. Ханша забеременела.

Вернувшись, Дзэлмэ первым вошел <к владыке> и сказал святейшему Чингису. «Твое золотое блюдо облизал желтый пес». Тот молвил: «Скверна рта вымывается слюной. Скверна утробы – чистой влагой. Приведи сюда мою ханшу Бортэ-джушин!». По прошествии положенных месяцев она родила. Святейший Чингис повелел: «Хотя этот сын и не мой, но он родился от моей старшей жены, поэтому его должно <...> считать пятым князем наряду с другими моими сыновьями, рожденными от моей старшей жены» [Цендина 1999, с. 144–145]⁴.

⁴ Текст: *Kaldan*. Erdeni-yin erike kemekü teüke bolai. Їе. Nasunbaljir keblel-dü beletgebei. Улаанбаатар, 1960 (Monumenta historica. Т. 3, fasc. 1). С. 58а – 59а.

Совпадение здесь практически полное – и на уровне образного состава, и на уровне символики, причем для монгольской культуры метафора золотого сосуда как женского естества (во вполне определенном смысле), напротив, выглядит абсолютно естественной – вспомним о женской (~ материнской) «золотой утробе» (*алтан умай*) как первоэлементе антропогонического мифа [Неклюдов 2019а, с. 211–214], о «золотой утробе» невестки Чингиса и матери Хубилая (Алт. тоб., с. 223) и т. д. Возможно, на той же основе возникает сентенция о «женщине с золотым кувшином на голове», которая при строгом царствовании Чагатая «могла идти [по его владениям] одна без страха и опасений» (Джувеини, XIII в.)⁵; впрочем, «бытовизирующее» водружение «золотого кувшина» на голову свидетельствует об утрате его исходной символики (и скорее уже не в монгольской традиции, где подобный способ ношения тяжестей нехарактерен). Согласно более поздней тибетской версии, эпоху Чжанчубжалцана (XIV в.) называют «временем старухи, несущей золото», т. е. время было таким спокойным, безопасным, законным, что даже старая женщина могла пронести через всю страну полную корзину золота и не быть ограбленной [Цендина 2006, с. 134]. Как можно понять, образ здесь снижен (по сравнению с версией Джувеини) – видимо, с акцентом на беспомощности, не только женской, но еще и старческой. В тюркской версии Абу-л-Гази (XVII в.) центральный женский образ размывается окончательно (хотя сохранен способ несения драгоценной клади): «В это время земли, лежащие между Ираном и Тураном, так были безопасны, что если бы кто пошел от запада до востока, положив себе на голову золотой какой-либо сосуд, то ему никем не было бы сделано обиды»⁶.

Не исключено, что центральное событие рассказа о Джэлмэ и Бортэ является репликой сказочно-эпического сюжета AaTh 519 (ср. Mot. R169.4): герою в сватовстве помогает его товарищ или слуга, который одолевает охрану девы-богатырки и в первую брачную ночь укрощает ее (что обозначает/под-

⁵ Цитируется автором со следующей пометкой: «как говорится, хоть и с преувеличением» (Чингисхан: История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувеини / Пер. с текста Мизры Мухаммеда Казвини на английский язык Дж.Э. Бойла с предисловием и библиографией Д.О. Моргана. М.: Магистр-Пресс, 2004. С. 187).

⁶ Родословное дерево тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Пер. и предисл. Г.С. Саблукова, с послесл. и примеч. Н.О. Катанова. Казань: Типо-литограф. Имп. ун-та, 1906. С. 85.

разумеает дефлорацию), спасая тем самым жениха от опасности⁷, поскольку при утрате девственности невеста теряет силу и становится обыкновенной женщиной⁸. В ослабленной форме эта ситуация обнаруживается в сюжетном типе AaTh 516, где верный слуга (~ приемный брат, благодарный покойник) не только добывает невесту для принца (ср. AaTh 854), но также ценой собственной жизни (окаменения) спасает его от дракона, нападающего на жениха в первую брачную ночь (Mot. T172.2) и представляющего собой либо модифицированного «змея-любовника» [Козлова 2000] (см. также: Березк., F30), либо персонификацию опасности, исходящей от самой невесты, причем ложно истолкованные действия спасителя принимаются за сексуальное посягательство (Аф.158; Пентамерон IV, 9⁹; ВР I 42ff; см. также [Schmitt 2002, S. 1414])¹⁰.

К мотиву окаменения (именно в данной ситуации) есть выразительная параллель – рассказ о шести охотниках из племени айну, которые, заблудившись, попадают «на ту сторону», в мир женщин, интимные отношения с которыми смертельны для мужчин [Пропп 1986, с. 327]:

На нары забралась, легли, уснули. Спустя некоторое время один из них встал, спустился, вот к женщине на постельке лег, вот пошептались, вот на нее забрался, «ой, ой, ой!» И умер <...> Их хозяин встал, вышел, на берег спустился, круглый камень взял, понес, в юрту принес, на нару забрался. Полежав, встал, к женщине, лежавшей на левой наре, на конце, примыкающем к средней наре, к ней подошел, поднялся, на постельку ее лег, пошептались, затем скрежет раздался;

⁷ Березк., F9. Опасная женщина: по разным причинам совокупление с женщиной смертельно опасно для мужчины.

⁸ «Правильнее будет сказать, что в данном мотиве образно отразилось представление об опасности дефлорации женщины и что эта опасность – мифологического свойства. <...> Итак, первое сочетание с женщиной опасно для мужчин. Есть некоторые данные, позволяющие предполагать, что некогда ритуальная дефлорация производилась как особый обряд во время посвящения девушек» [Пропп 1986, с. 327].

⁹ *Базиле Джамбаттиста*. Сказка сказок, или Забава для малых ребят. 3-е изд. / Пер. с неап. П. Епифанцева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018.

¹⁰ См. также: *Peuckert W.-E.* Schlesiens deutsche Märchen. Breslau: Ostdeutsche Verlags-Anstalt, 1932. No. 163; *Henßen G.* Ungarndeutsche Volksüberlieferungen. Marburg: N.G. Elwert Verlag, 1959 (Schriften des Volkskunde. Archivs Marburg, VII). No. 55; и др.

он поверх ее забрался, вот камень всадил, она укусила, зубы все поломал, ничего не оставил¹¹.

Речь, таким образом, идет о мотиве зубастое лоно (*Vagina dentata*)¹², обезвреживание которого (= «дефлорация») производится с помощью «каменного фаллоса» – в данном случае имитируемого, но, не исключено, что исходно вполне «настоящего». Это, в свою очередь, позволяет предположить, что и окаменение «брачного дублера», обезвреживающего невесту на брачном ложе, имеет в своей основе представление о «каменной природе» его или его фаллоса.

Как предполагается, в основе данного сюжета лежит мистический страх мужчины перед первым соитием и пролитием крови, перед сексуальным могуществом женщины [Ярхо 1931, с. 20–22], перед злыми духами, проникающими в «пазы» этой лиминальной ситуации; отсюда, кстати, и идея ритуальной дефлорации невесты специальным человеком, стоящая за «правом первой ночи» (возможно, впрочем, никогда не существовавшим как юридически узаконенная практика) [Crawley 1927, pp. 62–65; Пропп 1986, с. 325–330; Schmidt-Bleibtreu 1988, S. 127–130, 177, 189; Sorlin 1993, S. 370–371; Wettlaufer 1999, Kap. 2]. В германском эпосе и в русских сказках деу укрощает названный брат жениха [Löwis-of-Menar 1923; Соколов 1923, с. 69–122], что отражает наиболее архаическую форму сюжета – заместителем жениха на брачном ложе являлся его сват (дружка-побратим), получающий, соответственно, как представитель всего родового коллектива далеко идущие права на невесту¹³ [Пропп 1986, с. 329] (рудимент «группового брака»?). Однако то, что в более древнем понимании было обычаем, ритуальной обязанностью, в более позднее время, напротив, становится проступком, нарушающим брачные запреты и этические нормы [Жирмунский 1979, с. 28–29; Жирмунский 2004, с. 271–272; Burkhart 1990, S. 747–748]; ср. обгнанную в сюжете AaTh 516 негативную интерпретацию действий

¹¹ Материалы по изучению гилецкого языка и фольклора, собранные и обработанные Л.Я. Штернбергом. Т. 1: Образцы народной словесности. Ч. 1: Эпос. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1908. С. 159 и сл.

¹² Женское лоно с зубастой пастью – рыбой (щука, пиранья) или змеиной, действительной (Березк., F9A, F9B, F9C) либо имитируемой (AaTh 1686A*; Mot. K1222; Березк., F9a1).

¹³ *Buschan G.* Die Sitten der Völker: Liebe, Ehe, Heirat, Geburt, Religion, Aberglaube, Lebensgewohnheiten, Kultureigentümlichkeiten, Tod und Bestattung bei allen Völkern der Erde. Stuttgart; Berlin; Leipzig: Union Deutsche Verlagsgesellschaft, 1914. Bd. 1. S. V–VI (Repr. S. VII).

помощника, спасающего героя на брачном ложе от смертельной опасности.

Если освобождение (возвращение) похищенной жены (в данном случае Бортэ) рассмотреть как структурную версию добычания невесты (что не противоречит ни принципам эпического сюжетосложения, ни более общей мифологической логике [Мелетинский 2004, с. 68]), то с точки зрения этой сюжетной схемы Джэлмэ окажется «дружкой», который по-своему «одолевает охрану» пленницы (как в AaTh 519) и доставляет государю жену, предварительно «обезвредив» ее. Последнее, возможно, следует сделать еще и потому, что побывавшая в плену женщина, так сказать, автоматически становится «женщиной из вражьего стана», от которой вообще исходит смертельная опасность, известная и монгольской литературно-фольклорной традиции. Именно про это рассказывается, например, в летописной легенде о смерти Чингис-хана на ложе вдовы побежденного им тангутского государя¹⁴ (уже известный нам мотив *Vagina dentata*), имя которой Гурбэлджин-гоа (от *yürbel* ‘ящерица’), по-видимому, связано еще и с серпентофобным комплексом [Bawden 1961, p. 238]:

Владыка взял ханшу Гурбэлджин-гоа в жены. <...> Гурбэлджин-гоа, зажав в своем тайном месте щипцы, нанесла увечье тайному месту Владыки и убежала. Затем, прыгнув в Черную реку, утопилась. <...> После этого болезнь Владыки стала тяжелой, и когда жизнь приближалась <к концу>, он сделал повеление...¹⁵

Отсюда становится понятно, почему владыка, выслушав признание Джэлмэ, не только расценивает случившееся как должное

¹⁴ Ср.: «Согласно показанию историка Приска, Аттила, под конец жизни взяв за себя после бесчисленных жен (по обычаю этого народа) весьма красивую девушку, по имени Илдиго, сильно повеселившись на свадьбе и отягченный вином и сном, лежал навзничь на своем ложе; тут кровь, обыкновенно шедшая у него носом, стесненная в привычном своем движении, устремилась опасным путем через горло и задушила его. Так прославленному в войнах властителю невоздержанность уготовала позорную кончину» (*Иордан. О происхождении и деяниях готов* [ок. 552 г.]. Гл. 49: *Сага о Волсунгах* / Пер., предисл. и примеч. Б.И. Ярхо. М.: Л.: Academia, 1931. С. 251–252).

¹⁵ Желтая история (Шара туджи) / Пер. с монг., транслит., введ. и коммент. А.Д. Цендиной. Факсимиле рукописи (список А). М.: Восточная литература, 2017. С. 81; Шара туджи: Монгольская летопись XVII в. / Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н.П. Шастиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 133.

и принимает врученную ему «обезвреженную» женщину (к чему, возможно, относятся и слова об «очищении от скверны»), но и усыновляет ребенка, родившегося после этой процедуры. Показательно, что при своем воцарении (1206) Чингис-хан в хвалебном слове сподвижникам говорит о Джэлмэ как о своем двойнике (в некотором смысле) и прощает ему какие-то «проступки»¹⁶: «Когда родился я – и ты родился; я рос – и ты рос вместе. Будь же ты свободен от взысканий за девять проступков!» (§ 211; воспроизводится и в летописи Лубсан Данзана, XVII в. [Алт. тоб., с. 150–151]); последняя формула, впрочем, используется в этом славословии не единственный раз, а упоминание «проступков Джэлмэ» вообще является частым в летописях.

3

Тема посягательства на некий золотой объект, являющийся собственностью владыки, присутствует и в другой монгольской легенде – об Аргасун-хурчи, который «опьянев от молочной водки, взял золотой хур <Чингис-хана> и ночевал где-то», за что был приговорен к смерти, но прощен после своей защитительной речи («Выпив водки, взял твой хотонский *хур*, / Не замышлял я дурного при этом!» [Алт. тоб., с. 204–205]) – прощен по причине «остроумия» этой речи (*qosing*, букв. ‘шутка’)¹⁷.

Суть произошедшего, а также характер центрального персонажа и природа особо охраняемого им золотого объекта не вполне ясны; остается непонятным, что именно этот человек на одну ночь присвоил и почему ему удалось избежать наказания. Его имя выглядит скорее как прозвище, подлежащее семантической расшифровке. Слово *хур/хуур* (омографически совпадающее с *хор* ‘колчан’) значит ‘смычковый инструмент’, соответственно, *хуурч*

¹⁶ Согласно «Сокровенному сказанию монголов» (XIII в.). Здесь и далее цитаты из этого памятника (Сокр. сказ.) даются в переводе С.А. Козина.

¹⁷ «Жизнь свою славно защитил ты, Аргасун мой, / Шуткой своей славно пошутил ты, хурчи мой!» (*aman-iyān sayin-tu yaruγsan Arγas-un minu: qosing-iyān sayin-tu yaruγsan qorči minu geγū* :), см.: Altan Tobči: A brief history of the Mongols by bLo-bzañ bsTan'jin. With a critical introduction by A. Mostaert / Ed. by F.W. Cleaves. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1952. P. 51–52; Vietze H.-P. Gendeng Lubsang. Altan Tobči: eine mongolische Chronik des XVII. Jahrhunderts von Blo bzan bstan'jin. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1992. S. 72–74.

(*qoʻqorʻci, xurʻchi*) – это ‘игрок на хуре, музыкант, скрипач’¹⁸. «Хотонский» (*qotong*), видимо, должно пониматься как ‘туркестанский’; ср., однако близкое по звучанию и написанию слово *xaman* (*qatun*) ‘ханша, государыня, княгиня, госпожа, супруга’. Кроме того, слово *arpa*, с которым может ассоциироваться имя героя легенды, означает ‘способ, средство, приём; хитрость, трюк’¹⁹.

Историческая реальность самого персонажа – под большим вопросом, во всяком случае никакими другими контекстами она не подтверждается. Есть предположение, что имя Аргасун-хурчи возникло из слияния двух имен – Хоргосун (*Qorqosun*) и Хорчи (*Qorci*), упоминаемых «Сокровенным сказанием» в перечне «девятиности пяти нойонов-тысячников» (§ 202) [Михайлов 1969, с. 32]. Подобное слияние, вообще говоря, вполне представимо²⁰, смущает только то, что в этом перечне они довольно далеко (на 15 позиций!) отстоят друг от друга – значит, если принять эту гипотезу, придется допустить существование в прошлом какой-то другой, не дошедшей до нас редакции данного списка (действительно, варьируемого в летописной традиции), где оба имени находились рядом, сближенные, скажем, в силу аллитерируемости своих инициалей; какие-либо другие основания для их объединения представить трудно.

Человек, названный Хоргосуном (собственно, ‘помёт скота’²¹; имя-оберег?), более нигде не упоминается, а вот Хорчи – лицо

¹⁸ Но *хуурч эм* – это и ‘скрипачка’, и ‘женщина легкого поведения’.

¹⁹ Ср. выражение *uran arʻas-iyar* ‘искусными, мудрыми средствами’ (Ков., I, с. 152). Наконец, как философское понятие *arpa* – это ‘производящая сила; деятельное мужское начало’.

²⁰ Так, скажем, в одного персонажа превращаются в русских заговорах святые Флор и Лавр: «батюшка Фрол-Лавёр, конский пастырь»; и далее – уже некий Фрёл-Орёл [Неклюдов 2008, с. 126] или святые Петр и Павел, в народной традиции выступающие как парные персонажи (см.: Белова О.В. Петр и Павел // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 22), а в марийском обряде ставшие божеством по имени Петр-Павлыч / Петр-Павел, то двоящемся, то объединяемым в одну персону: «Вот, в честь Петра-Павла подарок принесла, в позапрошлом году полотенце принесла. <...> У Петра-Павлыча жена есть, тоже семья есть, вот довольны будьте, я вам платок принесла, полотенце принесла, будьте довольны. <...> Петр-Павлычи, пожалуйста, добро делайте мне» (Ступак А.С. Итоги экспедиции к вятским марийцам летом 2010 г.: Доклад на семинаре «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика», ЦТСФ РГГУ, 08.09.2010).

²¹ *Arʻal / qorʻal / qorʻol / qorʻosun* ‘скотский помёт, навоз’ (Haen. S. 67; Ков., I, с. 153. Т. 2, с. 968–969).

вполне действующее. «Сокровенное сказание» описывает его появление в стане Тэмуджина/Чингиса, его предсказание о грядущем величии вождя, сопровождаемое просьбой: после исполнения пророчества дать ему в жены тридцать первых красавиц из покоренных племен²²; распоряжение об исполнении данной просьбы в упомянутом славословии Чингиса сподвижникам (где Хорчи удостоен отдельной тирады, § 207); наконец, его пленение хоритуматами, у которых он попытался отобрать в качестве добычи этих самых девушек, и последующее освобождение²³. Хотя захват женщин побежденного народа, что имело важный смысл, в том числе символический, был вполне устоявшимся обычаем у монголов (§ 115, 117, 197, 266–267)²⁴, подобная просьба для данного текста все-таки не вполне обычна – она характеризует именно Хорчи; показательно, что практически все подробности этого рассказа сохраняет и более поздняя историография (Алт. тоб., с. 98, 185–186).

По-видимому, начальной формой имени героя легенды об Аргасун-хурчи было именно *Хорчи* (причины его соединения

²² «Небо с землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорит, возьмет в управление царство! Вот какое откровение явлено глазам моим! Чем же ты, Темучжин, порадуешь меня за откровение, когда станешь государем народа? <...> ты разреши мне по своей воле набирать первых красавиц в царстве да сделай меня мужем тридцати жен» (Сокр. сказ., § 121).

²³ «Пленение же Хорчи произошло при следующих обстоятельствах. Чингис-хан разрешил ему взять себе в жены тридцать самых красивых туматских девушек. Он и поехал за туматскими девушками. Тогда покорившиеся было перед тем туматы восстали и захватили нойона Хорчи в плен. Узнав о пленении Хорчи, Чингис-хан послал к туматам Худуху, как хорошего знатока лесных народов. Но и Худуха-беки был также схвачен. Замирив окончательно туматский народ, Дорбо отдал сотню туматов семейству Борохула в возмещение за смерть его. Хорчи набрал себе тридцать девиц...» (Сокр. сказ., § 241).

²⁴ «Ну, теперь мы взяли пенью за Оэлун, забрали у них жен. Взяли-таки мы свое!» – сказали меркиты и, спустившись с Бурхан-халдуна, тронулись по направлению к своим домам (§ 102). «Вторгнувшись через дымяк (как снег на голову) и сокрушив главные ворота (запоры, заставы), жен и детей до последнего полонили. Священные врата (запоры, заставы) у него прочь мы снесли, весь улус его дочиста (досуха) полонили» (§ 109). «Оставшихся после них жен и детей: милovidных (подходящих для лона) забрали в наложницы (поместили на лоно), а годных только в привратницы поделали привратницами» (§ 112).

с *Аргасун/Хоргосун* [?] остаются непроясненными). Однако едва ли имелся в виду исторический Хорчи, о котором речь шла выше, хотя его репутация как просителя и приобретателя гарема из тридцати пленниц могла повлиять и на складывающийся сюжет. При этом само слово *хорчи* (*qorci / qorcin* ‘колчанonosец’ – от *qor* ‘колчан’ (Наен., S. 67)) относится к чрезвычайно активной лексике «Сокровенного сказания» (§ 145, 192, 224, 229, 260, 269), используясь (как и последующей традицией) в качестве названия особого войскового подразделения стрелков-лучников [Mostaert 1934, no. 34; Sagaster 1976, S. 218, 220].

По-видимому, исходно речь шла о ханском «хранителе колчана», каким-то образом пренебрегшем своими обязанностями (оставившим порученное ему оружие без присмотра? поместившим его в ненадлежащее место?), что вызвало гнев владыки и смертный приговор виновному, после успешного оправдания, однако, отмененный²⁵. Не исключено, что «статусный» эпитет колчана *золотой* (в силу его принадлежности Чингису и вообще государю [Неклюдов 1980, с. 65–94]) мог вызвать исходно непредумышленные интерпретации «проступка»: «очень похоже, что здесь подразумевается супружеская измена» [Михайлов 1969, с. 33]. Возможны и вторичные семантические ассоциации – именно они могли обусловить появление не до конца понятных иносказаний в оправдательных речах героя, «остроумие» которых тем не менее в полной мере оценивает Чингисхан, сменяющий гнев на милость.

Напомню, что стрела в своем символическом значении является универсальным знаком мужской сексуальности (эта символика активно используется в ритуальной и нарративной традициях [Урай-Кехальми 1974, с. 256–260; Stein 2002, SS. 902–903]), а колчан, да еще «золотой», в таком случае соотносится со стрелой примерно как ступа с пестом²⁶ – с аналогичными эротическими коннотациями. Тогда «золотой колчан» (скажем, не *qotong qori* ‘туркестанский колчан’, а *qatun qori*, что-то вроде «колчан-госпожа») встраивается в тот же ряд, что «золотое блюдо» и «золотой кувшин», значения же ‘музыкант,

²⁵ Ср. центральную коллизию романа Вальтера Скотта «Талисман» (1825): рыцарю Кеннету поручено стеречь знамя, которое оказывается утраченным вследствие шутки королевы и заговора врагов, король Ричард приказывает казнить Кеннета, но после разоблачения истинных кознодеев прощает его.

²⁶ *Топорков А.Л.* Ступа и пест // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 188–190.

скрипач' (*хурчи*) и 'музыкальный инструмент' (*хур*)²⁷ придется считать следствием народно-этимологического переосмысления исходного словосочетания (уже в третьей фазе) – вероятно, вследствие сакрализации морин-хура на основе «шаманских» значений этого инструмента²⁸ и его сопряжения с личностью Чингиса (скорее всего, достаточно позднего) [Неклюдов 2019b, цв. фото № 4].

Остается добавить, что приведенные выше семантические реконструкции легенды об Аргасун-хурчи базируются на слишком большом количестве допущений, чтобы быть вполне надежными, однако наличие приведенных повествовательных соответствий и сама логика типологического анализа все же допускает их. Так, данная тема (женщиной владыки временно овладевает персонаж, который должен был ее оберегать, но избегает наказания, убедительно объяснив свой проступок) встречается еще и в следующем эпизоде «Сокровенного сказания» (§ 197):

1. После победы над меркитами хаас-меркитский Даир-Усун повез показать Чингис-хану свою дочь по имени Хулан-хатун.
2. Встречая на пути всякие препятствия от ратных людей и увидав случайно нойона баридайца Наяя, Даир-Усун сообщил ему, что везет показать свою дочь Чингис-хану. Тогда нойон Наяя и говорит ему: «Едем вместе и покажем твою дочь Чингис-хану». Задержал он их и продержал у себя три дня и три ночи. При этом задержку эту объяснял Даир-Усуну так: «Если ты поедешь как есть один, то в дороге, в такое-то смутное военное время, не только тебя самого в живых не оставят, но так же и с дочерью твоею может случиться недоброе».
3. Когда же, потом, Даир-Усун, вместе с Хулан-хатун и нойоном Наяя, прибыли к Чингис-хану, он в страшном гневе обратился прямо к Наяя и сказал: «Как ты смел задержать их? Тотчас же подвергнуть его самому строгому допросу и предать суду!»
4. Когда же его стали было допрашивать, Хулан-хатун говорит: «Наяя сказал нам, что состоит у Чингис-хана в больших нойонах.

²⁷ По-видимому, первое его упоминание – 1338 г., эпитафия Джигунтэю-даругачи: *öcü:ken mod-i qıyır egü:dkü* 'из малого дерева изготовленный хуур' (Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script 12th – 16th centuries. Introduction, transcription and bibliography / Ed. by D. Tumurtogoo, G. Cecegdari. Taipei, Taiwan: Academia Sinica, Institute of Linguistics, 2006. P. 23).

²⁸ [Неклюдов 2019b, с. 17, 192–194; Мелетинский, Неклюдов, Новик, 2010, с. 216–220].

А задерживал нас объясняя, что поедем, мол, показать свою дочь хагану вместе. Потому что на дороге, говорит, беспокойно. Попадись мы в руки не нойона Наяя, а к другим каким военным, не иначе, что вышло бы недоброе. Кто знает? Может быть, встреча с Наяя нас и спасла. Если бы теперь, государь, пока опрашивают Наяя-нойона, соизволил спросить ту часть тела, которая по небесному изволению от родителей прирождена...»

Наяя же на допросе показал: «Что говорил при хане, то и сейчас скажу: нет у меня другого лица против того, что было при хане! Когда попадаются иноплеменные красавицы или добрых статей мерины, я всегда мыслю, что они хановские. Если есть что другое, кроме этого, в мыслях моих, то пусть умру я».

Чингис-хану понравились слова Хулан-хатуны. Ее освидетельствовали тотчас же, и все оказалось, как она говорила намеком. Очень пожаловал Чингис-хан Хулан-хатуну и полюбил ее. А так как и слова Наяя-нойона оказались справедливыми, то Чингис-хан милостиво сказал ему: «За правдивость твою я поручу тебе большое дело».

Как можно убедиться, здесь присутствуют все компоненты рассматриваемой нарративной модели:

1. Чингис-хану доставляют девушку (Хулан-хатун) из побежденного племени меркитов (в порядке выражения вассалитета).
2. Наяя-нойон, который вызывается охранять девушку, задерживает ее у себя на три дня.
3. Чингис-хан гневается и приказывает судить провинившегося.
4. С помощью защитительных речей, поддержанных Хулан-хатун, а также после «медицинского» освидетельствования девушки, доказавшего ее «нетронутость» и тем самым правоту Наяя-нойона, государь сменяет гнев на милость.

Таким образом, подобный сюжет был известен монгольской традиции по крайней мере уже в XIII в., а это может быть еще одним аргументом в пользу допустимости предложенной семантической реконструкции легенды об Аргасун-хурчи.

4

Итак, мотив облизывание псом золотого блюда как метафора незаконной любовной связи вполне укоренен в монгольской традиции, но чужероден для традиции русской – здесь он явно является заимствованным, причем именно в составе определенного сказочного сюжета, за пределами которого, похоже, не встречается. Восприятие данного

мотива русским фольклором было, по-видимому, облегчено возможностью использования «золотого блюда» в некоторых сказочных контекстах, связанных со свадебной тематикой²⁹ – наглядный пример «встречного течения», по А.Н. Веселовскому [Топорков 1997, с. 355–370], создающего условия для культурного обмена.

Из сказанного, однако, не следует, что рассматриваемый текст (место записи которого, кстати, неизвестно) попал к русским непосредственно от монголов. Сам сюжет о чудесном мальчике, разгадывающем сны (AaTh 671 E*), помимо фольклора русского, финского, литовского (что составляет довольно компактный регион), есть у грузин и курдов, в Индии и Бирме, а также у ряда тюркских народов (узбеков, казахов, башкир, татар) (AaThUth, I, p. 369 (lit. / var.); Аф., II, с. 423 (комм.)), у которых, вероятно, и следует искать источник русской сказки. Не исключено, наконец, что ее текст прошел лубочную обработку – об этом может свидетельствовать иностранное имя Асон (от *Иасон/Ясон* или, скорее, от *Асан/Хасан?*), устойчивость которого, видимо, поддерживалась неоднократно повторяющейся и широко варьируемой формулой «Едешь к Асону посудить сону» / «Будет у тебя Асон торговать твой сон» / «Ну-ка, Асон, рассуди мой сон» (Аф., III. С. 437; Аф. Завет., с. 437–438, 443).

А.Н. Афанасьев располагал по крайней мере еще двумя вариантами той же истории – один, остававшийся в рукописи, был затем опубликован в сборнике «заветных сказок» (Аф. Завет., № 134, с. 443–444; Аф., III. Прилож., № 38), на другой собиратель только ссылается в примечаниях (Аф. Завет., № 134, с. 443). «Рукописный» вариант более развернут и новеллизирован, чем рассказ из основного собрания, в нем присутствует двойная любовная интрига: мудрый мальчик, вырастая, становится «молодцом да красавцем» и любовником жены Асона, а у царевны благодаря расшифровке загадочного царского сна обнаруживают тайного любовника в женском платье, живущего в ее покоях под видом служанки.

Это хорошо известный новеллистический мотив – вспомним «Дон Жуан» Байрона и «Домик в Коломне» Пушкина. Одна из его старейших фиксаций – в сборнике индийской «обрамленной прозы» «Семьдесят рассказов попугая» (XII в.).

²⁹ «...как только что время выходить им от венца, а тут встречают их слуги и всякие люди и на золотом блюде подают спелые яблоки. Так они и стали свадьбу справлять...» (Аф., № 566). «Наступил день, в который Иван-богатырь должен был жениться; он поехал в карете, а лягушку понесли во дворец на золотом блюде» (Аф., № 570).

На другой день он <цирюльник> нарядил в женское платье своего приятеля, молодого ловкого человека, у которого еще не было усов, пришел с ним к раджпуту³⁰ и сказал: «Это моя жена. Я хочу поехать в деревню и, кроме вашего дома, мне негде ее оставить. Ведь у вас в доме женщины должны находиться под охраной». Раджпут согласился: «Оставляй», – сказал он. Чандал³¹ оставил здесь приятеля, сходил к женщинам и сказал: «Считайте эту женщину своей собственностью». Те узнали, кого привел чандал, и приняли приведенного с почетом. <Этот юноша> был днем женщиной, а ночью любовником и забавлялся с обеими женами раджпута по очереди³².

Наиболее известную сюжетную версию включает персоязычная редакция данного сборника – «Книга попугая» Нахшаби (1330). Речь идет о сказке «Почему смеялась рыба» (AaTh 875D; Березк., K27z9), послужившей источником многочисленных книжных и устных переработок в фольклоре народов Индии, Ближнего Востока (включая Малую Азию и Закавказье), Северного Кавказа и Башкирии (Березк., K27z9)³³, в конечном счете, по-видимому – и ее русских вариантов из собрания Афанасьева.

«В этом городе есть хитрый мальчик, смысленный юноша; зовут его Ибн ал-Гайб (букв. ‘Сын Тайны’). Надо позвать его, ибо он прекрасно понимает язык рыб и может расспросить их самих, почему они смеялись и отчего хохотали». <...> «Ветер – вестник моря, – ответили рыбы, – он приносит вести обо всем, что случается на суше, и сообщает об этом рыбам, а рыбы уже передают вести морю. Уже несколько раз ветер прилетал издалека и говорил: “У царя сорок жен, и каждая из них держит в своей комнате юношу, одетого в женское платье. В те дни, когда царь не посещает их, они развлекаются с этими юношами...”» (ночь 25-я)³⁴.

Надо заметить, что «Книга попугая» Нахшаби – не непосредственный перевод, сделанный с индийского оригинала, а перера-

³⁰ Человек из касты воинов-кшатриев в средневековой Индии.

³¹ Представитель низшей касты «неприкасаемых».

³² Шукасапати: Семьдесят рассказов попугая <XII в.> / Пер. с санскр. М.А. Ширяева; Ред. и предисл. В.И. Кальянова. М: Изд-во вост. лит., 1960. № 62. С. 133–134. Несколько иная версия – в туркменском сборнике «Тюрки Тотынама» (Рассказы попугая / Пер. с туркм. В. Попова. Ашхабад: Туркм. гос. изд-во, 1963. С. 111–114 <ночь 23-я>).

³³ Ср.: *Crossley-Holland K. Why the fish laughed and other tales.* N.Y.: Oxford University Press, 2002.

³⁴ *Зийа ад-Дин Нахшаби.* Книга попугая (Тути-наме) / Пер. Е.Э. Бертельса. М.: ГРВЛ – Наука, 1979 (= 1982). С. 180–181.

ботка сочинения Имада ибн Мухаммада ан-Наари «Жемчужины бесед» (1313–1316)³⁵, которое представляет собой исходную редакцию персоязычных «рассказов попугая», прямо опирающуюся на индийский прототип [Акимушкин 1985, с. 5–12; Акимушкин 1984, с. 4–21]³⁶ и уже включавшую сказку о «рыбьем смехе». Подобная версия в индийской словесности, действительно, существует³⁷, причем рассматриваемый сюжет, возможно, попадает в число «Семидесяти рассказов попугая» со стороны, это косвенно подтверждается тем, что речь здесь идет о царе Бикрмакире (Бакрмагаре) и его жене Камджуй из другого цикла индийской обрамленной прозы – о царе Викрамадитье (Викрамарке³⁸, Викраме) и царице Камакаликке [Warder 1992, pp. 178–179]. В соответствии со своими творческими установками, ан-Наари не только «одевает сборник в одежды персидского языка», но и «украшает его жемчугами уподоблений», удаляет «истории исключительно непристойные», добавив «самоцветы нравочений и драгоценные камни наставлений» [Акимушкин 1984, с. 7]. Видимо, это обуславливает ту стилистическую вычурность и избыточность («конь речи был пущен в поле многословия и изложению была придана чрезмерная длина»), которую по заказу «одного вельможи» берется исправить Нахшаби, придавая сборнику «достойную форму и подобающий порядок»³⁹, в результате чего первоисточник ан-Наари оказывается полностью вытесненным из традиции его литературным последователем.

Отметим, что у ан-Наари процесс разгадывания тайны «рыбьего смеха» имеет трехступенчатый характер: чудеснорожденный мальчик-провидец Машалла, которому тайна введена изначально, в двух вставных рассказах (№ 41 и 42) пытается убедить Камджуй

³⁵ *Имад ибн Мухаммад ан-Наари. Жемчужины бесед* (Джавахи́р ала-асмар). Пер. М.-Н.О. Османова; предисл. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1985.

³⁶ Хотя и точно не обозначенный: «Короче говоря, с этим намерением просматривал я книги индусов и вникал в их рассказы и истории. <...> Пока <наконец> после долгих поисков и исканий и бесчисленных розысков и хлопот нашел я книгу, чей зачин вызывал зависть у [всех] сборников рассказов, построена она была должным образом, содержала 72 истории, сочинили ее со слов попугая...» [Акимушкин 1984, с. 6].

³⁷ Ссылка на издание текста: Der Textus ornator der Śukasaptati / Kritisch hrsg. von R. Schmidt // Abhandlungen der Philosophisch-Philologischen Classe der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 21. Abt. 2. München: Verlag der K. Akademie, 1898. Nos. 5–17.

³⁸ Шукасаптати. С. 127.

³⁹ *Зийа ад-Дин Нахшаби. Книга попугая*. С. 18–19.

подавить свое любопытство, дабы потом не раскаяться и не пожалеть, и только на третий раз предлагает радже раздеть всех женщин гарема, среди которых и обнаруживается замаскированный любовник. У Нахшаби же узнавание секрета царских жен включает четыре фазы, но совсем иного типа: 1) вездесущий ветер в качестве первоисточника⁴⁰; 2) сообщает о гаремных развлечениях рыбам; 3) которые открывают тайну мальчику; 4) а он рассказывает о ней царю.

Эта коммуникационная цепочка содержит явно избыточные звенья. В принципе, «сын тайны» Ибн ал-Гайб (полностью соответствующий Машалле у ан-Наари), уже по своей природе способный разгадывать секреты (что следует из предшествующего повествования)⁴¹, не должен бы для их раскрытия прибегать к посредству рыб, однако здесь ему оставлена лишь роль чудесного толмача-полиглота, переводчика с рыбьего языка. С другой стороны, знанию о мировых тайнах, скрытому за многозначительным молчанием рыб, совершенно не обязательно иметь внешний источник информации (в данном случае в лице ветра) – они, как и прочие «вещие» представители природного мира (птицы, звери, рептилии, земноводные), владеют ею опять-таки по определению.

Напрашивается предположение, что указанная избыточность – результат объединения двух функционально идентичных мотивов: владение языком животных, которое дает доступ к знаниям, скрытым от других (Mot. M302.1; ср. B215 sq., B211), и мальчик-провидец (Mot. M301.20), который обладает пророческим даром в силу своего чудесного рождения (Mot. T550.2; ср. T510, T511.8)⁴². Соответственно, раскрытие секрета может происходить, с одной стороны, благодаря сообщениям мудрых животных, каковыми здесь оказываются говорящие рыбы, а с другой – через толкование смысла странного «явления природы», где «рыбий смех» выступает лишь как знак существования некой тайны (AaTh 875D; Mot. D1318.2.1), но не содержит прямой информации о ней. Работая над сборником, Нахшаби сохра-

⁴⁰ Ср.: «Ветер, ветер! Ты могуч, / Ты гоняешь стаи туч, / Ты волнуешь сине море, / Всюду веешь на просторе <...> / Аль откажешь мне в ответе?» (А.С. Пушкин. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях».)

⁴¹ Именно таковы Машалла у ан-Наари и мальчик-прорицатель в русской версии (Аф. № 241).

⁴² «Чудеснорожденному герою сказки не требуется проходить специальное испытание, чтобы обрести волшебные свойства, он уже обладает ими в силу своего происхождения» [Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 2001, с. 81–82].

нил многоступенчатость кульминационного события (по версии ан-Наари), но наполнил его этапы иным содержанием, используя для этого оба альтернативных мотива и убрав назидательные вставные рассказы. Заодно автор «логически» объяснил получение гадателем знания, у ан-Наари ничем не опосредованного и имеющего сугубо мистическое происхождение (что в большей мере соответствует «первичным» фольклорным моделям).

Вообще, оксюморонный мотив *говорящей рыбы* сам по себе нетривиален – чаще в роли животных-прорицателей выступают птицы (Mot. B215.1 sq.) и некоторые звери. То же касается мотива *истолкования загадочного смеха* (Mot. M304), тем более *рыбьего*, как и *вопросания рыбы* (используемого скорее в ироническом смысле; Mot. J1341.2). Не исключено, что в рассматриваемом случае у данного сюжетного звена (рыбы в роли хранительниц тайного знания) был какой-то более узкий источник, типа легенды или притчи, – со своей специфической трактовкой темы (вспомним, например, проповедь Антония Падуанского морским рыбам или сокрытие Буддой у змеев-нагов сутры Праджняпарамита, за обретением которой в их подводное царство спускается Нагарджуна).

5

О том, что русские варианты представляют собой, по-видимому, крайнее звено в цепи данной литературно-фольклорной традиции, говорит общность основной сюжетной линии этих текстов (*чудесный мальчик, отданный чужим людям, спасается от гибели / преуспевает благодаря своей мудрости; разгадывает смысл странных знаков, указывающих на проступки царских жен / дочерей / на наличие любовника в женском платье*). О том же свидетельствует и совпадение некоторых деталей – например, в рамках мотива *самая любимая из жен / дочерей* (которая и оказывается самой грешной):

«У раджи было еще семьдесят три жены, но Камджуй он любил больше прочих» (*ан-Наари*. «Жемчужины бесед», № 40)

«Все три [дочери], – отвечает царь, – мне дороги, а больше всех люблю и жалую меньшую царевну: нет ее на свете дорожке» (Аф., III, № 38 [прил.]

Замена «царских жен» на «царских дочерей» довольно устойчива в устных традициях (арабской, иранской, курдской, армянской, ингушской). Сложнее понять, каким образом таинственный

«рыбий смех» заменился на вещий сон о «золотых блюдах и лакающих из них псах». Выше было показано, что данный образ имеет точнейшее (и весьма органичное) монгольское соответствие, причем мотив «рыбьего смеха» / «рыбьих разговоров», напротив, едва ли характерен для монгольской традиции, и в этом плане подобная замена выглядела бы вполне вероятной. Однако никаких других следов «монгольской обработки» сюжета пока не обнаруживается; кроме того, рассказ о любовнике в женском платье вряд ли имел хорошие шансы прижиться у монголов – прежде всего из-за относительно слабо выраженных различий в покрое мужской и женской одежды.

Итак, оба мотива – «загадочный сон» (в сказке из собрания Афанасьева) и «загадочный рыбий смех» (в «Рассказах попугая» и их устных редакциях) – изофункциональны, хотя и не относятся к одной семантической группе. При сюжетном варьировании сказки они оказываются в отношениях своего рода дополнительности, контекстуальной синонимии: и то, и другое требует расшифровки, в итоге приводящей к разоблачению секретов женской половины царского двора.

Варьирует в трех записях русской версии⁴³ и само содержание сна.

Вар. 1	Вар. 2	Вар. 3
Месяца через два, через три приснился тамошнему королю такой сон: будто <u>есть у него во дворце три золотые блюда, прибежали псы и зачали из тех блюд лакать</u> (Аф. № 241).	Прошло с год времени, приснился царю этой земли такой сон: будто <u>стоит в его палатах драгоценная золотая чарка, а в той чарке один край выломился</u> (Аф. Завет., № 134 [с. 443–444]; Аф., III, с. 436–437 [Прил., № 38]).	Был у царя <u>заповедный колодец</u> , и приснился ему сон: будто <u>из этого самого колодца стал кобель лакать</u> (Аф. Завет., № 134 [с. 443, из примеч.]).

Компонентный состав этих вариантов можно записать следующим образом:

	Вар. 1	Вар. 2	Вар. 3
a	три золотых блюда	драгоценная золотая чарка	заповедный колодец
b	лакающие из блюд псы	выломившийся край чарки	лакающий из колодца кобель

⁴³ Из «основного» собрания Афанасьева, из рукописи (= из «заветных сказок»), из примечаний к тексту.

Тождественными в своих горизонтальных рядах или чрезвычайно близкими по содержанию являются компоненты:

– «три золотых блюда» и «драгоценная золотая чарка» (1a ≡ 2a),

– «лакающие (из этих блюд) псы» и «лакающий (из этого колодца) кобель» (1b ≡ 3b).

В то же время компоненты «заповедный колодец» (3a) и «выломившийся край золотой чарки» (2b) можно считать лишь изофункциональными другим компонентам тех же рядов, поскольку они являются таковыми только в порядке уже упоминавшейся контекстуальной синонимии.

«Заповедный колодец» равнозначен «трем золотым блюдам» и «драгоценной золотой чарке» исключительно на сюжетном уровне, а их общую семантику можно описать так: имеется некий высокоценный объект (~ сосуд, емкость), оберегаемый от посягательств, нарушающих его чистоту и целостность, что вполне соответствует теме: есть девушка/женщина, охраняемая от посторонних эротических/матримониальных посягательств. Цель подобного «оберегания» либо прямо вычитывается из текста, либо реконструируется в ходе сравнительного анализа. Более того, вся символика «царского сна» отсылает именно к данной теме, являясь его подлинным значением.

Исходя из этого, образ «выломившегося края золотой чарки» имеет вполне уверенное и однозначное толкование⁴⁴, идентичное символическому толкованию пса, лакающего из золотого блюда (~ заповедного колодца⁴⁵) – и то

⁴⁴ См. в русском свадебном фольклоре: «Какъ у чарочки у серебряная / Золотой у ней вѣночекъ» (Кир. I, № 203 (5), 344 [с. 66, 111, 2-я паг.]), *венѣц, венок* – головной убор девушки, невесты (СНРГ, IV, 111, 114); «По меду, мѣду по пѣточному / Плавала чарочка серебряная: / Кто эту чарочку переняль? / Переняль, переняль князь государь...» (Кир. I, № 169 (34) [с. 60, 2-я паг.]); ср.: «И ты в прозрачной юбочке, / Юна, бела, / Дрожишь, как будто рюмочка. / На краешке стола» (Андрей Вознесенский. «Свадьба», 1959). Или в былине – соперничество богатырей «за серебряну чарочку позолочену, подаренья была короля ляховиньского», «Ты зачем <...> ростоптал же ты чарочку мою серебряну / А серебряну чарочку позолочену?» [Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю.И. Смирнов, В.Г. Смолицкий. М.: Наука, 1974. с. 143 (Лит. памятники).

⁴⁵ Об «эротической формуле», включающей данный или аналогичный образ, см. у М.К. Азадовского (Русская сказка: Избранные мастера:

и другое в равной мере указывают на нарушение «цельности» и «чистоты» объекта, причем во вполне определенном смысле; кстати, в варианте из «заветных сказок» этот смысл сообщается, так сказать, открытым текстом⁴⁶.

Скорее всего, исходным в этой группе вариантов надо считать именно первый (Аф. № 241), по-видимому, наиболее близкий к своему гипотетическому инокультурному (книжному?) источнику, как показывают приведенные сравнения. В таком случае варианты 2 и 3 представляют собой два способа «редактирования» традицией чужеродного образа, который, вероятно, ощущается как недостаточно соответствующий образному строю национального фольклора.

В варианте 2 «трех золотым блюдам», из которых лакают прибежавшие псы, соответствует «драгоценная золотая чарка», у которой «один край выломился». Изменения формы «золотой посуды» (блюдо à чарка), как и количественного показателя (3 à 1), суть признаки, в данном случае нерелевантные, и ими стоит пренебречь, но вот замена «лакающего пса» (н а р у ш е н и е «ч и с т о т ы» / о с к в е р н е н и е о б ъ е к т а) на «выломившийся край» (н а р у ш е н и е е г о ц е л о с т н о с т и) составляет доминанту варьирования. Она же, в свою очередь, коррелирует с противоположением «женщины» («жены») и «девицы» («невесты»), посягательство на которых может описываться именно этими метафорами; последнее вполне подтверждается разобранный выше монгольской параллелью (легенда о Джэлмэ и Бортэ), где Чингис прямо называет произошедшее «осквернением».

В варианте 3 «трех золотым блюдам» (из которых лакают псы) соответствует «заповедный колодец» (из которого лакает кобель), т. е. в отличие от варианта 2 полностью изменен сам объект (золотое блюдо à заповедный колодец), но сохранены форма

В 2 т. / Ред. и коммент. М.К. Азадовского. [М.; Л.]: Academia, 1932. Т. 1. С. 213, примеч.): «богатырка жалуется на своего оскорбителя: “молодец был, квас-воду пил, да не покрыл”; “испил – колодец не покрыл”, – “невежа приезжал, да в моем колодце своего коня напоил”; “квас пил, да квасницу не накрыл”; “мою квашню раскрыл, не покрыл, две полущки на смех положил”; своеобразная, но в том же плане формула у Чупрова: “кака ле собака наблюдала и не охитила”» (цитата приведена без ссылок на источники). Благодарю С.В. Алпатову за подсказанные фольклорные параллели в примеч. 42 и 43.

⁴⁶ «Царь глянул, а у мамки промеж ног пребольшущий *нетых* сидит! “В ту самую ночь, ваше величество, как приснилось вам, что из золотой драгоценной чарки край выпал – эта мамка вашей дочери целку проломала”» (Аф. Завет., с. 444).

«посягательства» («лакать») и его агент («пес / кобель»); все это – опять-таки за вычетом нерелевантного изменения количественного показателя (3 à 1). Отсюда следует, что в данном случае «точками устойчивости» при варьировании мотива могут быть разные составляющие его структуры: сам оберегаемый объект (вар. 2) и посягающий на него претендент (вар. 3).

6

Проделанный анализ позволяет систематизировать мотивы и их структурные элементы следующим образом.

1. Минимальные смыслообразительные (но не смыслообразующие) композиты и дифференциальные признаки сюжетных элементов («семьи» повествовательной грамматики), выявляемые при сопоставлении значимых фрагментов текста и на фабульном уровне далее не членимые. Сюда относятся: *блюдо, чарка, колодец, рыба, сон, пес, смех; золотой, заповедный, оскверненный, сломанный; вещей, мудрый* и т. д. Следует подчеркнуть: речь идет не просто о словах с их базовой языковой семантикой, а о компонентах «вторичной» моделирующей системы, потенциальные значения которых (в том числе совпадающие с общезыковыми) определяются контекстами соответствующих «культурных сообщений», скажем, *золотой* (как высокоценный), *заповедный* (как нетронутый, скрытый от посторонних, оберегаемый), *мудрый* (как способный разгадывать смысл предзнаменований, обладатель знания о случившемся и происходящем).

2. «Простые» мотивы. Их можно рассматривать как совокупность сем, которые благодаря устанавливаемым между ними связям обретают не только второй семантический (в том числе символический) план, но и смыслообразующие функции, структурируя мотив в качестве своего рода «нарративной семантемы». Это золотое блюдо, золотая чарка, заповедный колодец; лакающий пес, оскверненное блюдо / оскверненный колодец, сломанная чарка; рыбий смех, тайный язык животных <рыб>, всезнающий ветер; любовник в женском платье ит.д.

3. «Сложные» мотивы, имеющие бинарную или тернарную структуру, элементы которой дисперсно распределены в сказочном тексте. Это, как было сказано, *вещи / нерасказанный сон* (AaTh 671 E*,725; Mot. M306, M312.2 sq.), *язык животных / птичий язык* (AaTh 517, 670, 672, 672D*, 673, 781; Mot. B215.1, D217; M302.1; M312.0.2), *загадочный*

рыбий смех и его разгадка (AaTh 875D; Березк., K27z9); выигрыш / победа слабого (AaTh 480C*, 565, 613, 735A, 930, 1535; СУС –813A**; Березк., K27nn, K88) и т. д.

Как мы могли убедиться, семантическое поле «сложного» мотива может доминировать в повествовании, но не конгруэнтно целому тексту, не покрывает весь сюжет, содержащий также и другие мотивы, «сложные» и «простые» (граница между которыми, впрочем, бывает достаточно условной). При этом заметим: структура «сложного» мотива, включающего инициальную, медиальную (иногда), финальную части, сама по себе имеет «микросюжетный» характер и при синтагматическом разворачивании темы способна становиться полноценным сюжетом.

Структура мотива адекватно описывается как фрейм, слоты которого, определяемые своими однородными (фасетными) значениями, подлежат заполнению «семами» (в «простых» мотивах, но не только в них) и «семантемами» (в мотивах «сложных»).

Наконец, сами «программы», по которым устанавливаются логические отношения между компонентами мотива, также целесообразно рассматривать как слоты для особого, «процедурного» (а не «материального») заполнения. Сюда относятся, в частности, отношения *д и з ь ю н к ц и и* (*качество врожденное* $\underline{\vee}$ *обретаемое, нарушение цельности* $\underline{\vee}$ *чистоты*), *т р ю к о в о й* *и н в е р с и и* (*эротический травестизм: любовник в женском платье*), *п р а в о м е р н о г о* *п е р е х о д а* (*доминирование в соперничестве сильного* \rightarrow *слабого*) или *л о г и ч е с к о г о* *с л е д о в а н и я* (*оберегание* \neq *посягательство, опасность* \neq *обезвреживание, проступок* \neq *оправдание / наказание*) – с той оговоркой, что во всех случаях речь идет об особом рода «нарративной логике», где такая последовательность является практически неизбежной [Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 2001, с. 25–27].

Установление контекстуальной синонимии элементов мотива при его варьировании осуществимо только при наличии в линейке потенциальных замещений определенных семантических предписаний и ограничений – именно такую линейку уместно назвать «слотом», наполнение которого диктуется тематическими параметрами, которые эксплицированы в названии данного слота. Так, например, слоты фрейма «Укрощение опасной невесты» (AaTh 519, ср. 516) и их заполнение должны выглядеть следующим образом:

– *О п а с н а я* *ж е н щ и н а* (= *о п а с н о с т ь*, *и с х о д я щ а я* *о т* *ж е н щ и н ы*) – с заполнениями: *ж е н щ и н а* «*и с к о н н о* *о п а с н а я*» (*б о г а т ы р к а* [AaTh 519, Mot. T173.1]; *Vagina dentata* [Березк., F9A, F9B, F9C; AaTh 1686A*]), *о п а с н а я* *в с л е д с т в и е* *с в о е й* «*ч у ж е с т и*», «*о т ч у ж д е н и я*», «*о с к в е р н е н и я*».

– Сексуальный дублер (*дружка-укротитель, друг, поворотим, слуга, страж-любовник* и т. д.).

На основании проделанного анализа можно предложить описание слотов, которые составляют общую «фреймовую» структуру мотивов, обычно формулируемых как «Вещий сон царя» (AaTh 671 E*) и «Почему смеялись рыбы» (AaTh 875D)⁴⁷.

– Сосуд (~ ёмкость), цельность и чистота которого строго оберегаются – с заполнениями: *золотое блюдо, золотая чарка, заповедный колодец*, а также реконструируемый <*золотой колчан*> и, возможно, *золотой кувшин*, причем все эти заполнения объединены общим символическим смыслом.

– Женщина, охраняемая от посягательств – с заполнениями: *дочь/дочери, жена/жены*.

– Самая любимая из нескольких женщин оказывается самой виновной – с заполнениями: *одна из трех дочерей, одна из многих жен*.

– Условия раскрытия тайного знания – с заполнением: *мантические способности персонажа-мудреца, знание звериного языка, наличие у животных пророческого дара*.

– Сигнал неблагополучия – с заполнениями: *вещий сон, рыбий смех*.

– Вещий сон – с заполнениями: *сон о золотых блюдах / заповедном колодце и лакающих псах; о сломанной золотой чарке*.

– Смеющиеся рыбы / рыба – с заполнениями: *рыбы диковинные (с человеческими головами)⁴⁸, только что выловленные, мертвые, вяленые* (Mot. D1318.2, D1318.2.1).

– Тайный любовник – с заполнением: *любовник в женском платье*.

– Гадатель, разгадывающий таинственные знаки – с заполнениями: *мудрый мальчик (~ юноша), мудрая девушка* (AaTh 875D), <*лжегадатель*>.

Тогда фрейм мотива «Вещий сон царя» будет включать слоты:

Женщина, охраняемая от посягательств (*дочь/дочери*).

Сигнал неблагополучия (*вещий сон*).

Сосуд (~ ёмкость), цельность и чистота которого строго оберегаются (*золотое блюдо, золотая чарка, заповедный колодец*).

⁴⁷ Семантемы, приведенные в квадратных скобках, включены в соответствующие ряды с некоторой долей условности.

⁴⁸ «Какой-то рыбак принес в дар ему несколько диковин с рыбьим телом и человеческой головой» (*Имад ибн Мухаммад ан-Наари. Жемчужины бесед. № 40*).

Условия раскрытия тайного знания (*мантические способности персонажа-мудреца*).

Гадатель, разгадывающий таинственные знаки (*мудрый мальчик / юноша, <лжегадатель>*).

Самая любимая из нескольких женщин оказывается самой виновной (*одна из трех дочерей*).

Тайный любовник (*любовник в женском платье*).

Соответственно, структура фрейма «Почему смеялись рыбы» можно описать следующим образом:

Женщина, охраняемая от посягательств (*жена / жены*).

Сигнал неблагополучия: смеющиеся рыбы (*диковинные – с человеческими головами, только что выловленные, мертвые, вяленые*).

Условия раскрытия тайного знания (*мантические способности персонажа-мудреца, знание звериного языка, наличие у животных профетического дара*).

Гадатель, разгадывающий таинственные знаки (*мудрый мальчик / юноша, мудрая девушка, <лжегадатель>*).

Самая любимая из нескольких женщин оказывается самой виновной (*одна из многих жен*).

Тайный любовник (*любовник в женском платье*).

Сравнение этих фреймов можно представить в виде таблицы.

№ п/п	Название фрейма	«ВЕЩЕЙ СОН ЦАРЯ»	«ПОЧЕМУ СМЕЯЛИСЬ РЫБЫ»
	Название слотов	Заполнение слотов	
1.	Женщина, охраняемая от посягательств	<i>дочь/дочери</i>	<i>жена/жены</i>
2.	Сигнал неблагополучия	<i>вещий сон</i>	<i>смеющиеся рыбы (диковинные – с человеческими головами, только что выловленные, мертвые, вяленые)</i>
3.	Условия раскрытия тайного знания	<i>мантические способности персонажа-мудреца</i>	<i>знание звериного (рыбьего) языка, наличие у животных (рыб) профетического дара</i>

4.	Гадатель, разгадывающий тайны	<i>мудрый мальчик/юноша, <лжегадатель></i>	<i>мудрый мальчик/юноша, мудрая девушка), <лжегадатель></i>
5.	Самая любимая из нескольких оказывается самой виновной	<i>одна из трех дочерей</i>	<i>одна из многих жен</i>
6.	Тайный любовник	<i>любовник в женском платье</i>	<i>любовник в женском платье</i>

Отсюда следует, что оба мотива имеют общую структурную формулу, причем полное совпадение наблюдается лишь в слоте 6. Заполнения слотов 1, 2, 5 различаются альтернативно, в то время как заполнения слотов 3 и 4 можно считать скорее эквивалентными – за единственным исключением: наличие *мудрой девушки* (реже *мудрого юноши*) может оказаться связанным с другим событийным рядом (AaTh 875D), хотя и с той же «рамкой» (от *смею-щихся рыб до любовника в женском платье*)⁴⁹.

Обратим внимание: слот сигнал неблагоприятия заполняется «нарративными семантемами» (по существу, «простыми» мотивами) *вещий сон, рыбий смех*, которые, таким образом, в данном фрейме описываются как отдельные слоты, хотя и сами подлежат фреймированию. Тем самым мотив (преимущественно «сложный») может иметь гипотактическую структуру (мотив, вложенный в мотив, «матрешка»), что в свою очередь позволяет описать один из типов межмотивных связей как «иерархический».

Другой тип межмотивных связей – «сетевой»: одни и те же *семы* заполняют слоты разных мотивов, связывая эти мотивы «семантическими каналами». Так, например, в составе других мотивов *колодец* окажется каналом, ведущим в подземный мир, *сон* – состоянием инобытия, *пес* – животным-помощником или превращенным женихом, *рыба* – помощником или мифологическим «земледержцем», а *попорченная чарка* – «использованной посудой», по которой определяется появление «чужого» [Неклюдов, Новик 2010; Неклюдов 2016] и т. д.

⁴⁹ Во дворце смеется (вяленая) рыба (Mot. D1318.2.1) и царь под страхом смерти приказывает своему министру выяснить причину и тот (или его сын) отправляется в путешествие, встречает мудрую девушку, которая разгадывает загадочные слова и поступки (Mot. H586) и отвечает на поставленный вопрос (H561.1.1.1): рыба смеялась, потому что в гареме был мужчина в женской одежде.

Это имеет далеко идущие последствия для установления отношений между сюжетными группами, различным образом соотносимыми между собой, для описания текстовой манифестации мотивов и их дистрибуции в традиции, вообще – для работы генеративных механизмов текстопорождения.

В заключение – несколько слов о сюжете и мотиве. Исходя из всего сказанного выше, я склонен мотивом считать «монадную» семантическую модель, заключающую в себе параметры последующего текстопорождения, а сюжетом – синтагматическое разворачивание определенной темы, которая может быть эксплицирована как одним «сложным» мотивом, так и комбинацией мотивов – «простых» и «сложных».

Сокращения

- Аф. – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1985–1986.
- Аф. Завет. – Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым, 1857–1862 / Изд. подгот. О.Б. Алексеева, В.И. Еремина, Е.А. Костюхин, Л.В. Бессмертных. М.: Ладомир, 1997. (Русская потаенная литература)
- Алт. тоб. – *Лубсан Данзан*. Алтан тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введение, коммент. и прил. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. (ППВ, 10)
- Березк. – *Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>
- Кир. – Песни обрядовые // Песни, собранные П.В. Киреевским: Новая серия. Вып. 1–2. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1911–1929.
- Ков. – Монгольско-русско-французский словарь / Сост. О. Ковалевский. Т. 1–3. Казань: Тип. Казанского ун-та, 1844–1849.
- СНРГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. М.; Л., СПб.: Наука, 1965–2016.
- Сокр. сказ. – *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Monggol Nuruča Tobčiyān*. Юань Чао би ши: Монгольский обыденный сборник. Т. 1: Введение в изучение памятника: Переводы, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- AaTh – The types of the folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchetypen (FFC, no. 3) / Translated and enlarged by S. Thompson. Helsinki, 1981. (Folklore Fellows Communications, no. 184)

- AaThUth – The types of international folktales. A classification and bibliography / Based on the system of A. Aarne and S. Thompson by H.-J. Uther. Part 1–3. Helsinki, 2004. (Folklore Fellows Communications, vol. 133, no. 284–286)
- BP – *Bolte J., Polivka G.* Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmaerchen der Brueder Grimm. Bd. 1–5. Leipzig, 1913–1931.
- Haen. – *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi). Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1939.
- Mot – *Thompson S.* Motif-index of folk-literature. A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Revised and enlarged edition. 6 vols. Copenhagen; Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.

Литература

- Акимушкин 1984 – *Акимушкин О.Ф.* «Тути-Наме» и предшественник Нахшаби (к вопросу об индо-иранских культурных связях) // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования: Ежегодник, 1976–1977. М.: Наука, 1984. С. 4–21.
- Акимушкин 1985 – *Акимушкин О.Ф.* Забытые «Рассказы попугая» // *Имад ибн Мухаммад ан-Наари.* Жемчужины бесед (Джавахир ал-асмар) / Пер. М.-Н.О. Османова; предисл. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1985. С. 5–12.
- Жирмунский 1979 – *Жирмунский В.М.* Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения // *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад / Сост. М.П. Алексеев, Ю.Д. Левин, Б.Н. Путилов. Л.: Наука, 1979. С. 18–45.
- Жирмунский 2004 – *Жирмунский В.М.* Эпическое творчество славянских народов и проблема сравнительного изучения эпоса // *Жирмунский В.М.* Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки / Сост. Б.С. Долгин, С.Ю. Неклюдов. М.: ОГИ, 2004. С. 234–250.
- Козлова 2000 – *Козлова Н.К.* Восточнославянские былички о змее и змеях: Мифический любовник: Указатель сюжетов и тексты. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. 261 с.
- Мелетинский 2004 – *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 2004. 460 с.
- Мелетинский, Неклюдов, Новик, Сегал 2001 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. 239 с. (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика)

- Мелетинский, Неклюдов, Новик, 2010 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М.: РГГУ, 2010. 288 с. (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика)
- Михайлов 1969 – *Михайлов Г.И.* Литературное наследство монголов. М.: Наука, 1969. 175 с.
- Неклюдов 1980 – *Неклюдов С.Ю.* Заметки о мифологической и фольклорно-эпической символике у монгольских народов: символика золота // *Etnografia Polska*. 1980. Т. 24. Zesz. 1. S. 65–94.
- Неклюдов 2008 – *Неклюдов С.Ю.* Понять и осмыслить: к проблеме «ослышек» и лексических искажений в устной традиции // *Человек как слово: Сб. в честь Вардана Айрапетяна*. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 123–132.
- Неклюдов 2016 – *Неклюдов С.Ю.* Человек в чужом доме // *Свое среди чужого, чужое среди своего* [Сб. статей] / Ред.-сост. Е.Е. Жигарина, Ю.Н. Наумова. М.: Форум, 2016. С. 235–258.
- Неклюдов 2019а – *Неклюдов С.Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Неклюдов 2019б – *Неклюдов С.Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии: эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Неклюдов, Новик, 2010 – *Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Невидимый и нежеланный гость // *Исследования по лингвистике и семиотике: Сб. статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова* / Отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 393–408.
- Пропп 1969 – *Пропп В.Я.* Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока)
- Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 384 с.
- Соколов 1923 – *Соколов Б.М.* Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Германо-русские отношения в области эпоса) // *Ученые записки Государственного Саратовского ун-та им. Н.Г. Чернышевского*. Саратов, 1923. Т. 1. Вып. 3. С. 69–122.
- Топорков 1997 – *Топорков А.Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX в. М.: Индрик, 1997. 455 с.
- Урай-Кехальми 1974 – *Урай-Кехальми К.* Некоторые фольклорные данные о роли лука и стрелы в свадебных обрядах // *Исследования по восточной филологии: К семидесятилетию профессора Г.Д. Санжеева*. М.: Наука, 1974. С. 256–260.
- Цендина 1999 – *Цендина А.Д.* Легенды о происхождении племенного союза *табунаггов* в монгольских летописях // *Altaica III: Сборник статей и материалов* / Сост. Е.В. Бойкова, Д.Д. Васильев; отв. ред. В.М. Алпатов. М: Ин-т востоковедения РАН. М., 1999. С. 139–151.
- Цендина 2006 – *Цендина А.Д.* ...И страна зовется Тибетом. М.: Восточная литература, 2006. 304 с.

- Ярхо 1931 – *Ярхо Б.И.* Сказание о Сигурде и Нифлунгах на скандинавском Севере // *Сага о Волсунгах* / Пер., предисл. и примеч. Б.И. Ярхо. М.; Л.: Academia, 1931. С. 17–91.
- Bawden 1961 – *Bawden C.R.* The supernatural element in sickness and death according to Mongol tradition (Part 1) // *Asia Major. New Series.* 1961. Vol. 8. P. 215–257.
- Burkhardt 1990 – *Burkhardt D.* Heldenjungfrau // *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung.* Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1990. Bd. 6. S. 745–753.
- Crawley 1927 – *Crawley A.E.* The Mystic rose. A study of primitive marriage and of primitive thought in its bearing on marriage. Vol. 2. London: Methuen, 1927. 375 p.
- Löwis-of-Menar 1923 – *Löwis-of-Menar A.* Die Brunhildsage in Russland. Leipzig: Mayer & Müller, 1923. 110 S.
- Mostaert 1934 – *Mostaert A.* Ordosica, II. Le noms de clan chez les Mongols Ordos // *Bulletin of the Catholic University of Peking.* 1934. No. 9. P. 21–54.
- Sagaster 1976 – Die Weisse Geschichte (*Čayan teüke*). Eine mongolische Quelle zur Lehre von den beiden Ordnungen. Religion und Staat in Tibet und der Mongolei / Hrsg., übers. und komment. von K. Sagaster. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1976. (Asiatische Forschungen, Bd. 41)
- Schmidt-Bleibtreu 1988 – *Schmidt-Bleibtreu H.-F.W.* Jus primae noctis im Widerstreit der Meinungen. Bonn: Röhrscheid, 1988. 397 S.
- Schmitt 2002 – *Schmitt A.* Prophezeiung künftiger Hoheit // *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung.* Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2002. Bd. 10. S. 1413–1419.
- Sorlin 1993 – *Sorlin E.* Ius primae noctis // *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung.* Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin; N.Y. Walter de Gruyter, 1993. Bd. 7. S. 370–373.
- Stein 2002 – *Stein H.J.* Pfeil und Bogen // *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung.* Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin; N.Y. Walter de Gruyter, 2002. Bd. 10. S. 828–906.
- Warder 1992 – *Warder A.K.* Indian Kāvya literature. Vol. 6: The art of storytelling. Dehli: Motilal Banarsidass Publ., 1992. P. 178–179.
- Wettlaufer 1999 – *Wettlaufer J.* Das Herrenrecht der ersten Nacht. Hochzeit, Herrschaft und Heiratszins im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Frankfurt a/M.: Campus Verlag, 1999. 430 S. (Historische Studien, Bd. 27)

References

- Akimushkin, O.F. (1984), “ ‘Tuti-Name’ and precursor Nakhshabi (on the question of Indo-Iranian cultural links), in *Pis'mennye pamyatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Ezhegodnik, 1976–1977* [Written monuments of the East. Historical and philological studies, yearbook, 1976–1977], Nauka, Moscow, USSR, pp. 4–21.
- Akimushkin, O.F. (1985), “Forgotten ‘Parrot tales’”, in Imad ibn Mukhammad an-Naari, *Zhemchuzhiny besed (Dzhavakhir al-asmār)* [Pearls of conversations (Javahir al-asmār)], Nauka, Moscow, USSR, pp. 5–12.
- Bawden, C.R. (1961), “The supernatural element in sickness and death according to Mongol tradition (Part 1)”, *Asia Major. New Series*, vol. 8, pp. 215–257.
- Burkhart, D. (1990), “Heldengjungfrau”, in *Enzyklopädie des Märchens, Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung, Akademie der Wissenschaften zu Göttingen, Berlin*, vol. 6, Walter de Gruyter, New York, USA, pp. 745–753.
- Crawley, A.E. (1927), *The Mystic rose. A study of primitive marriage and of primitive thought in its bearing on marriage*, vol. 2, Methuen, London, UK.
- Kozlova, N.K. (2000), *Vostochnoslavjanskije bylichki o zmee i zmeyakh: Mificheskie ljubovniki: Ukazatel' syuzhetov i teksty* [East Slavic believe narratives about a serpent and snakes. The mythical lover. Index of plots and texts], Izdatel'stvo OmGPU, Omsk, Russia.
- Löwis-of-Menar, A. (1923), *Die Brunhildsage in Russland*, Mayer & Müller, Leipzig, Germany.
- Meletinskii, E.M. (2004), *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: Rannie formy i arkhaiskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Meletinskii, E.M., Neklyudov, S.Yu., Novik, E.S. and Segal, D.M. (2001), “Problems of structural description of a fairy tale”, in *Struktura volshebnoi skazki* [Structure of a fairy tale], RGGU, Moscow, Russia. (*Traditsiya – tekst – fol'klor: tipologiya i semiotika*)
- Meletinski, E.M., Neklyudov, S.Yu. and Novik, E.S. (2010), *Istoricheskaya poetika fol'klora: ot arkhaiki k klassike* [Historical poetics of folklore. From archaic to classic], RGGU, Moscow, Russia.
- Mikhailov, G.I. (1969), *Literaturnoe nasledstvo mongolov* [The literary legacy of the Mongols], Nauka, Moscow, USSR.
- Mostaert, A. (1934), “Ordosica, II. Le noms de clan chez les Mongols Ordos”, *Bulletin of the Catholic University of Peking*, no. 9, pp. 21–54.
- Neklyudov, S.Yu. (1980), “Notes on the mythological and folklore-epic symbolism of the Mongolian peoples. The symbolism of gold”, *Etnografia Polska*, vol. 24, no. 1, pp. 65–94.

- Neklyudov, S.Yu. (2008), “To understand and comprehend. To the problem of ‘mishears’ and lexical distortions in the oral tradition”, in *Chelovek kak slovo: Sbornik v chest’ Vardana Airapetyana* [Man as a word. Collection in honor of Vardan Airapetyan], Yazyki slavyanskoi kul’tury, Moscow, Russia.
- Neklyudov, S.Yu. (2016), “A man in a strange house”, in Zhigarina, E.E. and Naumova, Yu.N. (eds.), *Svoe sredi chuzhogo, chuzhoe sredi svoego* [One’s own among a stranger, a stranger among one’s own], Forum, Moscow, Russia, pp. 235–258.
- Neklyudov, S.Yu. (2019), *Fol’klornyi landshaft Mongolii: mifi obryad* [Folklore landscape of Mongolia. Myth and ritual], Indrik, Moscow, Russia.
- Neklyudov, S.Yu. (2019), *Fol’klornyi landshaft Mongolii: epos knizhnyi i ustnyi* [Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic], Indrik, Moscow, Russia.
- Neklyudov, S.Yu. and Novik, E.S. (2010), “Invisible and unwanted guest”, in Nikolaeva, T.M. (ed.), *Issledovaniya po lingvistike i semiotike: Sbornik statei k yubileyu Vyach.Vs. Ivanova* [Studies in linguistics and semiotics. Collection of articles for the anniversary of V.V. Ivanov], Yazyki slavyanskikh kul’tur, Moscow, Russia, pp. 393–408.
- Propp, V.Ya. (1969), *Morfologiya skazki* [Morphology of folktale], Nauka, Moscow, USSR. (*Issledovaniya po fol’kloru i mifologii Vostoka*)
- Propp, V.Ya. (1986), *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of the fairy tale], Izdatel’stvo LGU, Leningrad, USSR.
- Sagaster, K. (1976), “Die Weisse Geschichte (Čayan teüke). Eine mongolische Quelle zur Lehre von den beiden Ordnungen. Religion und Staat”, in Sagaster, K. (Hrsg.), *Tibet und der Mongolei*, Otto Harrassowitz, Wiesbaden, Germany. (*Asiatische Forschungen series, Bd. 41*)
- Schmidt-Bleibtreu, H.-F.W. (1988), *Jus primae noctis im Widerstreit der Meinungen*, Röhrscheid, Bonn, Germany.
- Schmitt, A. (2002), “Prophezeiung künftiger Hoheit”, in *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung, Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin*, vol. 10, Walter de Gruyter, New York, USA, pp. 1413–1419.
- Sokolov, B.M. (1923), “Epic tales about the marriage of Prince Vladimir (German-Russian relations in the field of epic)”, in *Uchenye zapiski Gosudarstvennogo Saratovskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo* [Scientific Notes of the N.G. Chernyshevsky State University of Saratov], vol. 1, no. 3, pp. 69–122.
- Sorlin, E. (1993), “Ius primae noctis”, in *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung, Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin*, vol. 7, Walter de Gruyter, New York, USA, pp. 370–373

- Stein, H.J. (2002), "Pfeil und Bogen", in *Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung, Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Berlin*, Bd. 10, Walter de Gruyter, New York, USA, pp. 828–906.
- Toporkov, A.L. (1997), *Teoriya mifa v russkoi filologicheskoi nauke XIX veka* [The myth theory in the Russian philological science of the 19th century], Indrik, Moscow, Russia.
- Toporkov, A.L. (2012), "Mortar and pestle", in Tolstoi, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskii slovar' v pyati tomakh*. [Slavic antiquities. Etnolingvistic dictionary in 5 volumes], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, vol. V, pp. 188–190.
- Tsendina, A.D. (1999), "Legends about the origin of the tribal union of the Tabunangs in the Mongolian chronicles", in Alpatov, V.M. (ed.), *Altaica III: Sbornik statei i materialov* [Altaica III. Collection of articles and materials], Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 139–151.
- Tsendina, A.D. (2006), *...I strana zovetsya Tibetom* [...And the country is called Tibet], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Urai-Kekhal'mi, K. (1974), "Some folklore data on the role of the bow and arrow in wedding ceremonies", in *Issledovaniya po vostočnoj filologii: K semidesyatiletiyu professora G.D. Sanzheeva* [Studies in Oriental philology. To the 70th anniversary of professor G.D. Sanzheev], Nauka, Moscow, USSR, pp. 256–260.
- Warder, A.K. (1992), *Indian Kāvya Literature, vol. 6: The art of storytelling*, Motilal Banarsidass Publ., Delhi, India, pp. 178–179.
- Wettlaufer, J. (1999), *Das Herrenrecht der ersten Nacht. Hochzeit, Herrschaft und Heiratszins im Mittelalter und in der frühen Neuzeit*, Campus Verlag, Frankfurt am Main, Germany. (*Historische Studien, Bd. 27*)
- Yarkho, B.I. (1931), "The legend of Sigurd and the Niflungs in the Scandinavian North", in Yarkho, B.I. (comp.), *Saga o Volsungakh* [The saga of the Volsungs], Academia, Moscow, Leningrad, USSR, pp. 17–91.
- Zhirumskii, V.M. (1979), "Literary relations of East and West as a problem of comparative literary studies", in Alekseev, M.P., Levin, Yu.D. and Putilov, B.N. (comp.), *Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad* [Comparative literary studies. East and West], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 18–45.
- Zhirumskii, V.M. (2004), "Epic art of Slavic peoples and the problem of comparative study of the Epic", in Dolgin, B.S. and Neklyudov, S.Yu. (comp.), *Fol'klor Zapada i Vostoka: Sravnitel'no-istoricheskie ocherki* [Folklore of the West and the East. Comparative historical essays.], OGI, Moscow, Russia, pp. 234–250.

Информация об авторе

Сергей Ю. Неклюдов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 84; *sergey.nekludov@gmail.com*

Information about the author

Sergei Yu. Neklyudov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 84, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; *sergey.nekludov@gmail.com*